

24 июня 1977

24 ИЮН 1977

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
г. МОСКВА

Наш СОБЕСЕДНИК

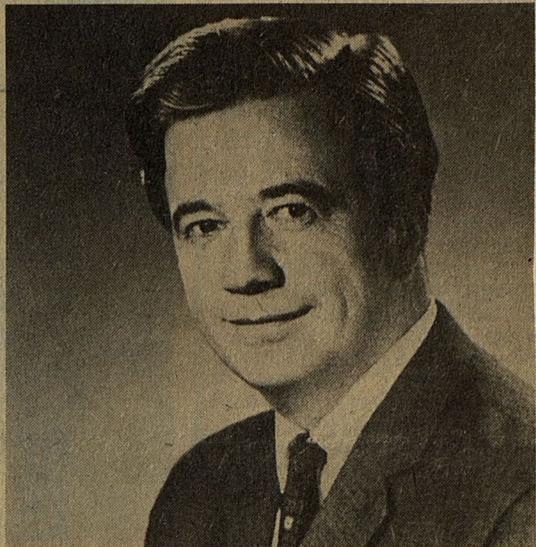
**Народный артист РСФСР
А. КОНСОВСКИЙ**

ЧЕЛОВЕК С ТЫСЯЧЬЮ ЛИЦ

Десятки ролей в театре, сотни записей на радио и грампластинках, более тысячи ролей, озвученных в кино, — таков диапазон творческой деятельности народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии Алексея Анатольевича Консовского.

В кино Консовским созданы образы Лермонтова и Гоголя, сыграны роли Принца в «Золушке» и Волшебника в «Обыкновенном чуде». А кому не известны такие ленты, как «Член правительства», «Последняя ночь», вошедшие в историю советского киноискусства с запомнившимися надолго Петькой-агрономом и Кузьмой Захаркиным.

В числе зарубежных актеров, которых пришлось озвучивать Консовскому, — Жан Марс и Массимо Джиротти в фильмах «Железная маска», «Рим в 11 часов», «Парижские тайны», Антони Риччи в «Похитителях велосипедов», Грегори Пек в «Снегах Килиманджаро». Среди многочисленных грампластинок — «Анна Снегина» Есенина и «Медный всадник» Пушкина, поэмы Маяковского и Блока. На радио — произведения Хемингуэя, Толстого, Флобера, Лермонтова — все перечислить трудно.



ДОМА застать Консовского... Это нелегко: гастроли, работа в Театре имени Моссовета, шефские выступления. После многократных звонков и просьб он наконец нашел время меня принять.

Консовский выглядел невыспавшимся: до поздней ночи записывался на радио. На тумбочке, на столе разбросаны телеграммы — приглашения с просьбой приехать, выступить. У серванта — раскрытый чемодан. Обстановка такая, словно хозяин собрался уехать или только сейчас вернулся. Так оно и было на самом деле. Утром вчера приехал с юга, а завтра опять уезжать на гастроли.

Беспрестанно трезвонит телефон. Консовский накрывает его подушкой, чтобы никто не мешал нашему разговору.

— Какой день вы считаете началом вашей работы на дуближе!

— Если быть точным, а не формальным, — говорит Консовский, — этому началу предшествовал своеобразный подготовительный период. В 1930 году я поступил в театр Мейерхольда и следующей весной уехал с бригадой в Оренбургскую область. Передевались от села к селу, разбросанным на десятки километров, где на верблюдах, где на телегах. Играл я кулака с обрезом и говорил потому скрипучим голосом. Настоящие же кулаки стреляли в нас во время переездов из настоящих обрезов. Так в восемнадцать лет состоялось мое знакомство с жизнью. Вот этот скрипучий голос да сыгранный еще в театре старик Король в андерсеновском «Голом короле» и побудили меня претендовать на участие в первом дублируемом американском фильме «Человек-невидимка» в 1934 году.

— Кого вы там озвучивали!

— Человека-невидимку, — отвечает как само собой разумеющееся Консовский.

— Как принял зритель первый озвученный фильм!

— Лучше рассказать, как воспринимались попытки его дублировать. Ведь частично утрачивались такие качества, присущие немому кино, как интернациональность. Знаете, что раньше кинематограф называли «Великим немым»? А сейчас видите, как разговорился! — Консовский смеется. — Пытались еще субтитровать. Но массовый зритель не успевал осмысливать сжатый текст, и эмоциональный интерес терялся. Пробовали затем озвучивать дикторским переводом. Картины покупались на короткий срок, и это было выгодно для проката. Первый опыт «Человека-невидимки» не из лучших: произошла нивелировка образов.

— Ваша последняя работа на дуближе!

— Скоро выйдет английский фильм «Гарри и Тонто». Грустный рассказ об одиноком старике, мающем со своим любимым котом. Отдельные эпизоды вызывают улыбку, но в общем фильм психологический, социальный.

Не забыть мне огневых лет фронтовой поры. Прежде чем участвовать в концертах, работал на трудовом фронте в Воронеже. Призван был в армию рядовым. Затем отозвали с фронта. Надо было заканчивать прерванную войной работу над «Лермонтовым»: слишком большие в картину вложены были средства. Фильм готовился к июлю 1941 года, к столетию со дня гибели поэта, а

в июне началась война. Сняли картину в 1943-м. Ну, а фронтовые бригады — вспоминает Консовский. — Где мы только не играли! И на земле, и на воде, и даже под водой: в 1945 году обслуживали Северный и Балтийский флоты и выступали перед подводниками. Победу встретил на острове Сааремаа.

— Какая, по-вашему, основная тема современного искусства!

— Искусство — институт нравственности. Предпочитаю в нем светлое, бетховенское и, конечно, пушкинское начало. Таким оно, собственно, и является, наше советское искусство.

— Что вас раздражает!

Консовский говорит, не задумываясь, с ходу — видно, что наболело:

— Мода играть самих себя. Мало сейчас таких актеров, какими были мастера перевоплощения Щукин, Хмелев, Качалов.

— Ваш любимый писатель!

Консовский разводит руками.

— Всех, кого записывал, люблю. Я нелюбимых не читаю. Впрочем, как и не дублирую неинтересных для меня ролей.

— Сколько у вас записанных грампластинок! Собираете их!

— Сколько? Понятия не имею. Записывал специально «Полтаву» и «Медного всадника» Пушкина, поэму «Анна Снегина» Есенина. Чем особенно дорожу — Лениной. Это большая запись из трех частей: поэзия о Ленине Блока, Маяковского, Есенина, современных советских и зарубежных поэтов. Записей своих не коллекционирую, но, думаю, сотня есть. Идешь иногда по улице — продается. Значит, переписали с радио. Купишь — потом подаришь. Считаю: когда артист начинает собирать рецензии о себе, а писатель — рецензии на созданные им произведения, он кончается как художник.

Консовский смотрит на часы:

— Извините, спешу в студию. Если еще вопросы есть — пожалуйте со мной. Может, интересное что увидите.

...Проезжаем мимо кинотеатра. Идет «Корабль-призрак», японский фильм. На афише — капитан в страшной маске. Консовский кивает на него:

— Одна из последних работ. Не видели? Посмотрите. Кажется, получилось.

Вот и студия имени Горького. Стараюсь от Консовского не отстать. Кто одного пропустит!

Немного бы еще — и опоздали. Актриса Данилина, дублирующая Софи Лорен в американском голливудском фильме «Поездка», дожидается в павильоне своего партнера Консовского.

Гасится свет, и на экране крутится «кольцо» — эпизод из фильма. Сделано несколько дублей, режиссер Арапова довольна, дает распоряжение сменить «кольцо», но Данилина просит крутить еще. Консовский тоже не удовлетворен. Партнеры подобрались требовательные. Лишь двенадцатый дубль их устраивает.

В тот же день побывал с ним на радио, на «Мосфильме». Возвращаясь вечером в такси, кажется, пятом за этот день, Консовский, устало прикрыв глаза, признался:

— Нельзя так себя растрчивать. Надо что-то брать взамен, наполняться. Посидеть бы на природе, на пенечке... Ско-

ро будет отпуск, поеду в лес.

— Книжку какую с собой возьмете!

— Пушкина. Некоторые удивляются, а я «Евгения Онегина» до сих пор перечитываю.

— Последний вопрос, Алексей Анатольевич. Есть все-таки самая дорогая для вас работа!

Он слегка отодвинулся, рассматривая меня, как бы взвешивая, можно ли довериться, осмыслить ли, оценю, и наконец сказал:

— Образ Владимира Ильича Ленина в трилогии — «Рукописи Ленина», «Знамя партии», «Ленин. (Последние страницы)».

Я эту работу видел. В документальном фильме «Ленин. (Последние страницы)». Нет ни одного действующего лица. На экране — строки последних статей Ильича, его деловые записи, фотографии. Осмысливая документы, Консовский вслух за кадром передает зрителю ход ленинской мысли, ее неповторимую динамику. Зал ощущает присутствие в картине самого Ленина — такова магия голоса Консовского, сила его актерского мастерства. За эту работу Консовский был удостоен звания лауреата Государственной премии.

Вот что писала народная артистка СССР С. Гиацинтова: «...он не ставит себе задачей копировать голос Ленина, его интонации. Он не «играет» Ильича. Но, странное дело, я тем не менее слышу Ленина. Вернее, я вместе с Консовским слежу за силой и темпераментом мысли Владимира Ильича. Это очень умная работа актера. Казалось бы, невозможно «играть мысль». А вот наперекор невозможности в зале возникает мысль как осязаемый образ».

— Меня попросили просто прочитать ленинские документы за кадром, — говорит Консовский. — Но ведь существовали копии рукописей. Это не просто рукописи, а как бы партитура. Творческое начало во Владимире Ильиче мне показалось необыкновенно дорогим и необычайно важным. Я открывал для себя в Ленине вдохновенного художника, идущего тропой первооткрывателя. И я играл в Ленине не результат, а действие, то есть то, что составляет суть его гения.

— Тяжелая у вас профессия! — невольно вырывается у меня.

Консовский со вздохом признается:

— Хочется порой свой голос уничтожить, чтобы ты не присутствовал в дублируемой роли. Только тогда начинаешь существовать и мыслить одновременно с героем.

Консовский — человек неравнодушный, меняется на глазах. Пронзительный, пристальный взгляд из-под припухших, усталых век то иронически насмешлив, то радостно светел, чист, то беспощадно саркастичен.

Он заразительно смеется. Как по поводу отдельной части молодежи «струнодероз», так и над взрослыми, возраст которых не позволяет уже надеяться на то, что они когда-нибудь поумнеют. Не переносят людей бездарных.

Показал ему опубликованный в газете очерк. Он прочитал и сказал утвердительно:

— Здесь чайка!..

Какая чайка?.. И наконец дошло: традиционная «Чайка» МХАТа. Значит, художественно, хорошо.

Б. ГОДУНЦОВ.

10